

Игорь Бяльский

«Я СТОРОЖ БРАТУ СВОЕМУ»

Ландшафт современной русской поэзии меняется, к сожалению, слишком быстро: в последний год не стало Анатолия Наймана, Алексея Цветкова, Игоря Бяльского. Нечего и говорить, что тектонические операционные сдвиги современной страшной истории нанесли такую рану русской словесности, которая неясно сколько поколений будет заживать.

Как и любое крупное явление, Игорь Бяльский многогранен: поэт, переводчик, основатель и редактор «Иерусалимского журнала», культуртрегер, организатор литературного процесса. Все мы, в этом смысле, от Игоря зависели, он был центром процесса, личностью – которая излучала. Но вот нет его. А стихи есть. Мне кажется, как это нередко бывает, привычный образ организатора и редактора несколько затеняет излучение бессмертной души поэта. И Игорь прежде всего – замечательный поэт, тонкий, математически точный, нежный, но требовательный к себе и другим. Теплый и отзывчивый человек, он мог быть как редактор неожиданно резким, и даже непримиримым.

Прощай, дорогой друг. Все время кажется, что стоим у вас на балконе в Текоа с видом на Иродион, Милка в комнате собирает на стол, а рядом лежит новый замечательный номер «Иерусалимского журнала», который увезу с собой в Нью-Йорк.

Андрей Грицман

* * *

А закат падет – занимается новый тур.
Тары-бары, базар-вокзал. А из новых эр
акаэм торчит, а там уже бэтээр...
Не земля – набор чужих аббревиатур.

И вжимается свой шесток, предъявляя счет.
Если знаешь, скажи, пожалуйста, не молчи:
от чего алеет Ближний Восток в ночи?
Светофоры, понятно, кровь... Но что-то еще, еще.

* * *

когда взойдет непроезжий знак
и солнце зайдет в тупик
и рок зажжет негасимый зрак
и друг покажет язык

и громко скажет вчерашний зэк
утрись мол и знай шесток
и вмиг восставший из пепла смог
накроет ближний восток

и весь каир вашингтон париж
и ближний и дальний мрак
тебе такой уготовят впрок

что может быть и поймешь

что сорок восемь часов не срок
когда закончился век
и ты никакой им не доктор спок
а сам себе амалек

* * *

...свою дорогу. Не смущай других
ни тихим голосом, ни умным взглядом.
Сентябрь их сам одарит звездопадом.
На черный день свечу побереги.

А в эту ночь, когда небесный свет
искрится в звездах и костром искрится,
из вежливости спрошенный совет
не изреки – пора и отшутиться.

Ты прошлым летом здесь уже прошел,
прожил и уложил в рюкзак пожитки.
И анорака парашютный шелк
отцвел под солнцем до последней нитки.

Махрится переносенная ткань
два раза перешитого наряда.
Иди не глядя, ибо как ни глянь,
а свежего не происходит взгляда.

В степную зону ли, на горный зов,
ступай, прощальных лет не умножая.
Куда-нибудь! но прочь от берегов,
где молодость сбывается чужая.

Ах, только бы не сбиться ей... Не тронь
несказанное песнею пропетой.
Спеши, покуда осень спорит с Летой
и звезды не слетелись на огонь.

* * *

Семену Гринбергу

Ночного Вифлеема страж.
А ежели сказать своими
словами, не впадая в раж
в небесном Иерусалиме,

я сторож брату своему.
Он тоже правнук Авраама.
Но – и Агари. Потому
и длится эта мелодрама.

Пока не замирились мы,
не худо б видеться пореже.
Но Иудейские холмы,
они для нас одни и те же.

И эта ночь, и эта высь
библейская – они едины.
Не сжиться и не разойтись.
И не переменить картины.

Вот я. В дозорной маете
вышагивающий кругами.
Вот он. В острожной темноте
спешит к своей арабской маме.

И мы встречаемся. Мой брат,
поскольку всяко может статься,
меня приветствует. Мол, рад
приветствовать и улыбаться.

Поскольку я вооружен
и заодно неосторожен,
то он не лезет на рожон
и нож не достает из ножен.

Приветствует. Его иврит,
пожалуй, моего поглаже.
«Приятной стражи!» – говорит,
желая мне приятной стражи.

ФРАГМЕНТ

... А что Евбаз? Его давно снесли.
До Киева меня не довели
ни языки, ни авиадороги,
но все же я нагуглил – ой люли, –
что ныне это площадь Перемоги
и новый цирк... Похоронив отца
и сам пройдя почти до самого конца
земную жизнь, хмельные серпантины,
я вижу торжище и – оп-цаца –
безумную подсветку Палестины.

Пора и мне ответить за базар,
не отводя глаза от циферблата,
нет, не за всю Одессу и хазар,
не за Хамас – за собственный позор,
теперь, когда ума уже палата.
Ну, Крым – не наш. А Иерусалим?
О чем у телевизора бурлим,

отгородясь от неба куполами?
По-прежнему един и неделим?
И все-таки, в каком напололаме?..

июль 2014

* * *

«Семьдесят раз не в счет. Семьсят – не пидарас.
Знаем наперечет. Видим не хуже вас.
В сторону – ваш каприз. В сторону – ваш прогноз.
Лесом! – сказали вам, с венчиками из роз».

Вновь полыхает лес, даже металл течет
вместе с металлоискателем
к судиям и спецкорам, к пере-переговорам.
Скатертью, значит, скатертью...

Где же он, Божий глас, – голос, а также глаз?
Кто присмотрит за миром?
Кто ниспошлет царя в наши пески, моря,
кактусы и черешни?

Внуки мои глядят на облака и сад,
веселы и безгрешны,
им и жара к лицу.

Лет пятьдесят назад я приставал к отцу:
да неужели вы верили в этот бред
радио и газет?
«Но, – отвечал отец, – если б не эта власть,
тоже еще невесть...
Без коммунистов здесь не было нам дороги...»

Жар течет по усам, близятся к небесам
и облака, и сроки.
Что же отвечу сам,
нет, не отца своего –
собственный век итожа?

Всё – от Всевышнего,
и пидарасы – тоже.
Разве Он обещал мудрых царей и судий?

Сколько вокруг мочал радиотелестудий...
Сколько вокруг сторон...

Здравствуй, Натан-Арон.
В этой – своей, одной –
здравствуй без раздвоенья!
Именно здесь пророк,
да, и проклятья рёк,

но и обетованья.

июль-август 2017

* * *

Светлане Шенбрунн

Пока автобусы взрывались,
и я, похоже, был при деле.
Мне даже из Москвы звонили
и тоже интересовались.
А я сидел, уставясь в теле-,
и слушал, как сирены выли.

И уши рдели от смущенья –
за то, что ежжу на машине
и не на ту свернул дорогу.
Да-да, вот эти ощущения:
«Отсидиваться, мол... мужчине?
...И дети живы, слава Богу!»

И вся страна – или казалось? –
оплакивала, проклинала...
Надеялась и собиралась
смертельный бой начать сначала.
Скрипя зубами, дожидалась
какого ни случись – финала.

И кончилось... Листай газеты,
обетования, обеты.
Крепчает шекель, дни струятся,
кафе туристами забиты –
не протолкнуться, не дождаться.
...Да нет... какие там обиды.

июль 2003

Игорь Бяльский (1949–2022) – поэт, переводчик, редактор. Родился в Черновцах (Украина). Жил на Украине, в России и Узбекистане. Репатриировался в 1990 году, жил в поселении Текоа. Автор нескольких поэтических сборников. Один из основателей ташкентского КСП «Апрель» (1975) и «Иерусалимского журнала» (1999).